

Понять, какой была для Нориэля жизнь в лесу, легко. Он был единственным ребёнком среди себе подобных, да и то — откровенно странным, не умеющим полноценно жить в том же темпе, что и остальные эльфы. Сам по себе мальчик плохим и близко не был, но скука и однообразие (и духи) толкали его на различные шалости, о которых знал каждый сородич Нориэля.

И особенно хорошо знал — старейший из эльфов, Талориэль. Пожалуй, единственный, кто хотя бы немного, как бы парадоксально это не звучало, понимал ребёнка.

Ну, моментами Нориэлю так казалось.

— Флориэль был очень расстроен твоим поступком, росток.

Мальчик с опущенной головой сидел напротив молодого мужчины. Правда, молодым он совсем не казался: ещё более неспешный и медлительный, чем любой житель Леса; взгляд настолько спокойный и умиротворённый, словно он находится в перманентном состоянии употребления чего-то не самого хорошего (трубка в руках как бы намекала); золотые волосы до того длинные, что заполнили всё помещение, в котором они находились.

Сородич Нориэля был заметно выше остальных. Метра два с половиной в нём точно было. Человека он напоминал достаточно условно. Тут и сказать тяжело было, почему конкретно. Вокруг мужчины создавалась совершенно уникальная атмосфера, Нориэлю казалось, что перед ним сидит не его старейшина, а дерево. Большое такое! Навскидку, в высоту в несколько сотен метров — минимум. Нечто великое и неподвластное.

А ещё настолько старое, что Нориэль каждый раз ловил себя на мысли, как эльф перед ним ещё не превратился в пыль.

И плевать, что они не старели так же, как люди из видений ребёнка или другие живые существа в Лесу!

— Я уже извинился, Старейшина, — стыдливо ответил мальчик.

Старейшина неспешно закурил трубку с какими-то травами, после чего выдохнул дым, создав небольшое колечко. Оно не долетело до мальчика: духи, кружившие вокруг него, не позволили, ещё на полпути развеяв его.

У Нориэля опять зачесался нос. Ему казалось, что Старейшина издевался над ним.

Талориэль слабо улыбнулся.

— Ты опять заскучал, росток?

Нориэль не ответил.

Старейшина сделал ещё одну затяжку, прикрыв глаза. В какой-то степени, он был идеальным хиппи, но ему, к сожалению, об этом не мог никто сказать. В силу несуществования оных, конечно же.

— Флориэль научил тебя игре на арфе. Почему ты не играешь?

— Мне это давно наскучило, Старейшина.

— Изориэль научила тебя шитью. Почему ты не шьёшь?

— Мне это наскучило ещё быстрее, чем игра на арфе!

— Элориэль научил тебя пению. Почему ты не поёшь?

Нориэль вздохнул.

Улыбка Талориэля стала чуть более лукавой и, что вселяло в маленького эльфа лёгкую надежду, понимающей.

Как ни странно, мальчик занимался в Лесу далеко не только тем, что валялся на деревьях, да наблюдал за циклами рождения и смерти бесчисленных короткоживущих существ (за неимением особых альтернатив, довольно увлекательное занятие, между прочим). Нориэль, особенно когда только смог окончательно переродиться и полноценно познакомиться со своими сородичами, был очень увлечён всем тем, чем они занимались.

К сожалению, уже довольно скоро мальчик вновь остался без дела: ему всё наскучивало. Ничего не могло его завлечь так, чтобы он мог этим заниматься вечно.

Он грезил о каком-то рукотворном чуде, чём-то незримом и эфемерном, мечтал о приключениях и каменных джунглях, которых в Лесу не было и в помине. Пытался ли он выбраться за пределы Леса? Конечно! Было бы странно, если бы не пытался. В перерывах между перерывами — всегда пытается. Спрашивал ли Нориэль, возможно ли это? Естественно! Но каждый раз получал ответ без какой-либо конкретики. Мол, и можно было, и — нельзя. Добился ли чего-то мальчик? Ответ был очевиден.

— Ты пробовал найти что-то своё, Нориэль? — неожиданно решил сменить тему Старейшина.

— Каждый в Лесу находит.

Маленький эльф не знал, о чём думал Талориэль, поэтому, естественно, растерялся.

— Ч-что вы имеете в виду?

— То, что было бы тебе интересно, дитя.

Нориэль почесал нос.

— Но мне всё интересно... — Нориэль, увидев взгляд Старейшины, кашлянул в кулак. — Было. И... и игра на арфе, и шитьё, и пение, и...

Талориэль покачал головой.

— Ты ещё не нашёл то, что захватило бы твой дух до скончания веков. Можешь пока идти. Пусть Флориэль и простил тебя, в ближайшее время я бы не рекомендовал тебе приходить на его поляну.

— Он настолько обиделся?! — стали круглыми глаза мальчика.

— Нет. Ты просто его вдохновил на новую мелодию, росток.

— Н-но дядя Флориэль всегда играл одно и то же!

— Видимо, ты смог пробудить в нём новые эмоции, Нориэль, — лениво пожал плечами Талориэль. — Встряска нужна нам всем, ты так не думаешь?

Старейшина, увидев, насколько удивлённым стал Нориэль, улыбнулся чуть шире.

— З-значит...

— Конечно, ты должен знать границы, — пропала улыбка с лица Старейшины.

Нориэль сжался.

Когда небольшая, профилактическая воспитательная беседа подошла к концу, Нориэля отпустили на все четыре стороны, не став как-либо наказывать. В какой-то степени, и не имели особого права: в определённый момент все сородичи мальчика становились между собой полностью равны, ибо граница накопленного опыта напрочь стирались (не говоря уже про общие корни духов природы), и лишь старейший из сородичей мальчика немного отличался от остальных. Он был учителем и наставником всех воплотившихся духов природы. За это Старейшину чтили и внимательно слушали, когда он что-то говорил.

Правда, не то чтобы он часто выходил из дома (вообще не выходил). И не то чтобы к нему часто ходили в гости. Нориэль был, на фоне остальных, редким исключением.

Выйдя из дома Старейшины, находившегося буквально в одном из гигантских деревьев Леса, маленький эльф протяжно вздохнул, подняв взгляд на безоблачное голубое небо.

В лицо ребёнку тут же ударил порыв ветра.

— Нам просто повезло, — проворчал мальчик. — Всё могло закончиться намного хуже. Это вы виноваты!

В лицо прилетел ещё один поток ветра, более сильный.

Длинные уши Нориэля опустились.

— Ладно, это виноваты не вы, а мы...

По пространству разнеслось далёкое хихиканье.

Трава под ногами мальчика затрепетала. Ветер начал особенно активно кружить вокруг Нориэля, поддерживая его. Как ни странно, это сработало.

Мальчишка помотал головой, отогнав скорбные мысли. В голове вновь возникла мысль, не дающая ему покоя уже очень долгое... время, да.

А что, собственно, делать?

Опять идти к кому-то из сородичей не хотелось. Вытворять шалости — и подавно.

Так ни к чему и не придя, Нориэль отправился валяться на своё любимое дерево. Будет ждать дождя: он был нечастым гостем в Лесу, но, всё же, был. Мальчик, любящий хотя бы какое-то разнообразие, дождь очень любил. Особенно, когда вместе с дождём приходили и духи дождя (или воды?..): это значило, что они могли немного поиграть.

Осталось лишь подождать его прихода. А там, пока Нориэль ждёт непогоду, можно пойти попробовать найти какой-нибудь фрукт. Питаться Нориэлю было совсем не обязательно, ему вполне было достаточно и чего-то (в общем-то, ребёнок и сам понятия не имел, чего именно), что давала ему природа с самим миром, но это совсем не значило, что он совсем не чувствовал

никакого голода. А там, в процессе, можно и понаблюдать за жизненным циклом каких-нибудь ёжиков. Или кто там на пути попадётся. Возможно, получится с ними тоже немного поиграть. Если уж совсем туго станет, всё-таки, можно и наведаться к кому-нибудь из сородичей. Не считая Флоризля.

Да...

Нориэль, поглощённый мыслями, на полпути запнулся, поджав губы.

— Скучно...

Духи его тот час поддержали, ударив потоком ветра в лицо. Любя и несильно, конечно же.

Мог ли маленький эльф когда-нибудь подумать о том, что в один момент всё изменится? Наверное, скорее да, чем нет, но он и помыслить не мог, что так (в рамках восприятия течения времени Нориэля) скоро. Одна случайность, стечение обстоятельств полностью изменили судьбу мечтательного воплотившегося неправильного духа природы.

А вот в лучшую или в худшую сторону — это уже отдельный вопрос...

<http://tl.rulate.ru/book/94178/3159014>